

Е. Кельчевский

В лесу

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. Кельчевский**
В лесу / Е. Кельчевский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 206 с.

ISBN 978-5-519-19380-1

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1930 года.

ISBN 978-5-519-19380-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Живемъ мы всѣ вмѣстѣ въ старинномъ охотничьемъ павильонѣ, состоящемъ изъ одной большой комнаты, служащей намъ общей спальней и столовой, и кухни, въ которой, въ качествѣ повара и эконома, помѣщается Куницынъ. Обстановка нашего жилища самая примитивная: большой обѣденный столъ, деревянные стулья, самодѣльные кровати съ соломенными тюфяками; около нихъ столики, сдѣланные изъ ящиковъ; въ углу образъ съ лампадкой.

Мы расчищаемъ подъ паркъ часть лѣса, съ той стороны, гдѣ онъ примыкаетъ къ большому фруктовому саду; садъ же относится къ замку, въ теченіе многихъ вѣковъ принадлежавшему графамъ де Монтроберъ, а нынѣ пріобрѣтенному нуворишемъ М-г Пико.

Всѣ члены артели, кромѣ здѣшняго старожила Бабикова и меня, пріѣхали сюда изъ Сербіи, по контракту, на сельско-хозяйственныя работы; я прибылъ изъ Парижа, гдѣ прожилъ до того около пяти лѣтъ.

Платятъ намъ прилично, работаемъ мы самостоятельно, питаемся сносно, не зябнемъ и живемъ другъ съ другомъ въ согласіи, хотя и споримъ иногда, большею частью, на отвлеченныя темы. Всѣ мы холостяки, кромѣ вдовца генерала, семья котораго осталась въ Россіи и прокурора, жена котораго, какъ онъ говоритъ, уѣхала въ неизвѣстномъ направленіи.

Всѣ члены артели, кромѣ меня и Бабикова, собираются рано или поздно перебраться въ Парижъ и поговариваютъ о пріисканіи себѣ подходящей профессіи; прокуроръ рассчитываетъ открыть юридическій кабинетъ, Борзиковъ надѣется разбогатѣть на своихъ поэмахъ.

А я думаю — какъ бы забраться въ еще большую глушь, да некуда. Когда здѣсь кончатся работы, двинусь куда нибудь въ Верхнія Альпы.

По праздникамъ всѣ, кромѣ Алексѣя Ивановича и меня, подѣ предводительствомъ прокурора, уходятъ за три километра въ городъ, обѣдаютъ въ тамошнемъ ресторанѣ и проводятъ вечеръ въ кинематографѣ. Алексѣй Ивановичъ пишетъ письма, а я брожу по лѣсу, или заготовляю дрова для нашего жилища.

Стоять холодные дни: по утрамъ — легкій морозъ, днемъ — сырой туманъ, сквозь который доносится хлопотливое карканье воронъ, къ ночи поднимается порывистый вѣтеръ. На прогалинахъ все еще держится трава, по мокрымъ древеснымъ стволамъ вѣется вѣчно зеленый плющъ, снѣгомъ и не пахнетъ. Это не зима и не осень, а какой-то сонъ природы. Лѣсъ спитъ, и эта окружающая дремота отвѣчаетъ моему состоянію; я какъ бы участвую въ ней и живу съ лѣсомъ одною жизнью. А придетъ весна, повѣетъ между стволами душистымъ тепломъ, задрожать въ прозрачномъ воздухѣ свѣтло-зеленыя тѣни, радостные вздохи и шорохи наполнятъ лѣсъ, и какъ бы не сталъ онъ мнѣ чужимъ и враждебнымъ...

Начинаю впадать въ лирику и вижу, что на сегодня довольно. Да и лампа тухнетъ, а керосинъ предусмотрительно спрятанъ у прокурора.

---

11 декабря.

Принимаясь за эти записки, я собирался послѣдовательно изложить свою жизнь, съ цѣлью подвести итоги прошлому, но вижу, что цѣли этой не достигну.

Чтобы подвести итоги, нужно имѣть какой-то критерій для оцѣнки людей и явленій, а критерія у меня не было и нѣтъ. Въ своихъ поступкахъ я руководствовалъ-

ся не какими либо правилами, а собственными вкусами, желаніями и капризами, и дѣлалъ это сознательно, находя, что каждый человѣкъ долженъ повиноваться своему собственному внутреннему голосу, а не прислушиваться къ голосу другого человѣка-же, въ концѣ концовъ, будь онъ даже основателемъ философскаго или религіознаго ученія. Если бы всѣ люди поступали по моему, жизнь была бы ярче и разнообразнѣе.

Алексѣй Ивановичъ говоритъ, что тогда люди пожрали бы другъ друга и что мнѣ, при моей физической конструкціи, такой порядокъ вещей былъ бы на руку. А я ему возражаю его же словами, что каждый человѣкъ носить въ себѣ частицу Духа Божія, голосомъ которой является совѣсть; имѣя совѣсть, и я безъ причины не полѣзъ бы съ кулаками на окружающихъ.

Итакъ, мнѣ приходится отказаться отъ подведенія итоговъ. Богъ съ ними. Буду просто записывать свои воспоминанія, мысли и наблюденія, въ какой бы послѣдовательности онѣ не приходили мнѣ въ голову и напередъ даю себѣ слово ничего не вычеркивать и не вырывать изъ этой тетради.

Сегодня Вася Шумовъ, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, раньше всѣхъ завалиться спать, принялся за починку своей сломанной гитары и, по общей просьбѣ, спѣлъ нѣсколько романсовъ. Голосъ у него пріятный, гитарой владѣеть недурно, но молодъ онъ и еще ничего не пережилъ.

А впрочемъ, въ его годы чего я только не выдѣлывалъ на гитарѣ. И голосъ былъ. Пѣвалъ и съ цыганскимъ хоромъ, и самъ сочинялъ разныя «застольныя», да «заздравныя».

Не пѣть подъ гитару надо, а говорить, — само споется.

И теперь бы спѣлъ, да не хочу. И въ руки ее боюсь брать, гитару; словно въ ней притаились всѣ забытыя чары... Не для того я поселился въ лѣсу.

Однако, къ дѣлу:

Родился я въ 89-мъ году. Отца своего, служившаго въ лейбъ-гусарахъ и убитаго на дуэли, когда мнѣ было два года, я не помню; изъ рассказовъ знавшихъ его людей, знаю, что былъ онъ красавецъ собой, большой кутила, бабникъ и бретеръ. Говорю объ этомъ безъ осужденія, — я люблю такихъ людей, а память отца боготворилъ и на портретъ его чуть не молился. Обладаль онъ многими талантами и большими средствами, но не оставилъ мнѣ въ наслѣдство ни того, ни другого. И за это не виню его, — такова была натура.

Мать моя, вышедшая за отца противъ желанія родителей и, вскорѣ послѣ его смерти, снова вышедшая замужъ за своего родственника изъ остзейскихъ бароновъ, была хороша собой, сентиментальна и легкомыслена; имѣя нѣсколькихъ дѣтей отъ второго мужа, она мало занималась мною, да пожалуй и вовсе меня не любила; я тоже, въ концѣ концовъ, сталъ къ ней равнодушенъ, но не безъ борьбы. Вообще, дѣтство у меня было не изъ веселыхъ. Ее, мою мать, я таки отчасти осуждаю; много ли мнѣ требовалось тогда?.. Ну, да не въ этомъ дѣло.

До десятилѣтняго возраста я прожилъ въ домѣ отчима, обращавшагося со мной неважно; я ему платилъ тѣмъ же, категорически отказываясь называть его отцомъ и этимъ, конечно, вооружая противъ себя мать. Съ младшими братьями и сестрой у меня было мало общаго; ихъ какъ бы ограждали отъ меня, вслѣдствіе моего упрямаго характера и испорченности; въ чемъ заключалась послѣдняя — не знаю, ибо въ то время у

меня не было никакихъ скверныхъ наклонностей. Воспитывали меня номинально — гувернантки братьевъ, фактически — моя старуха нянька, остававшаяся въ домѣ, и поварь — бывшийъ деньщикъ отца; первая наполняла мой дѣтскій міръ сказками, второй поддерживалъ во мнѣ культъ отца и прививалъ мнѣ любовь къ лошадямъ, къ саблямъ, къ ташкамъ и т. п.

Когда мнѣ пошелъ одиннадцатый годъ, меня опредѣлили въ кадетскій корпусъ, въ которомъ я и прожилъ семь лѣтъ. Въ первые годы я по праздникамъ ходилъ въ отпускъ въ домъ отчима, а потомъ меня стали брать на лѣтнія каникулы родственники покойнаго отца, жившіе безвыѣздно въ небольшомъ имѣніи въ средней Россіи. Къ нимъ же впоследствии переѣхала и моя нянюшка.

Объ этомъ періодѣ моего дѣтства запишу въ слѣдующій разъ.

---

12 декабря.

Принято любить свою *alma mater* и дорожить связанными съ нею воспоминаніями; мнѣ же изъ корпусной жизни дорого только то, что выходило изъ рамокъ корпуснаго бѣта. Оно и понятно; мы всѣ приходили въ корпусъ разными, а насъ всячески старались сдѣлать одинаковыми: одинаково одѣвали, одинаково стригли, одинаково учили и предъявляли всѣмъ намъ и во всемъ одинаковыя требованія, нисколько не считаясь съ нашими индивидуальными особенностями. Насъ упорно обезличивали и дѣлали это не съ военной, а съ педагогической цѣлью, т. е. для нашей-же пользы. Такова была система, унаслѣдованная отъ аракчеевской

эпохи и державшаяся особенно прочно въ старыхъ стѣнахъ нашего корпуса. Результатомъ ея было то, что большинство изъ насъ оказенивалось и внѣшне и внутренно: пріобрѣталась выправка, сѣуживались интересы, притуплялись врожденныя склонности и таланты. Только наиболѣе яркіе характеры не укладывались въ казенныя рамки, но борьба не проходила имъ даромъ.

Я не хочу сказать, чтобы воспитатели и учителя относились къ намъ плохо; отнюдь нѣтъ; отношеніе къ намъ большинства изъ нихъ было такимъ, какого требовала система, т. е. казеннымъ; мы были въ ихъ глазахъ не дѣтьми, а кадетами; ихъ интересъ къ намъ исчерпывался нашимъ «поведеніемъ» и «успѣхами въ наукахъ». До внутренняго склада cadaго изъ насъ имъ не было никакого дѣла.

Они же первые и становились жертвами неестественной системы воспитанія — оказенивались, глупѣли и пріобрѣтали комическій обликъ. Не многіе изъ нихъ пользовались въ нашихъ глазахъ авторитетомъ. Строгихъ мы боялись и ненавидѣли, добрыхъ — изводили и дѣлали ихъ жизнь похожей на житіе мучениковъ.

Вторымъ зломъ корпусной жизни была наша полная беззащитность отъ вліянія и произвола старшихъ классовъ, которые могли безнаказанно подвергать насъ всякимъ издѣвательствамъ.

Пожаловаться нельзя было и подумать, отпоръ своими силами грозилъ избіеніемъ до полусмерти, оставалось хитрить, увилывать и по возможности держаться въ группѣ товарищей. Терпѣвшіе отъ старшихъ вознаграждали себя притѣсненіемъ младшихъ, и такой порядокъ вещей складывался въ «традицію».

Въ этой своеобразной обстановкѣ главенство и авторитетъ принадлежали типамъ наиболѣе сильнымъ, или наиболѣе испорченнымъ; хулиганство и цинизмъ

признавались доблестью, проявленіе же добрыхъ побужденій, а особенно чувствительности, считалось бабствомъ.

Говорятъ, что корпусъ былъ суровой школой, въ которой закаливались характеры; по моему, корпусъ былъ не школой, а искусомъ, который не всѣ характеры выдерживали. Спасало вліяніе семьи и начала, заложенные въ дѣтствѣ.

Были въ корпусномъ быту и хорошія стороны. Такъ, мы всѣ были на совершенно равномъ положеніи; титулы, званія или матеріальное положеніе нашихъ родителей не играли никакой роли ни въ глазахъ начальства или учителей, ни въ глазахъ товарищей; одинаково оставляли безъ обѣда и безъ отпуска или тузили и Рюриковича, и Иванова 7-го, и сына министра, и сына оберъ-офицерской вдовы. Никакихъ исключеній ни для кого и ни въ чемъ не дѣлалось; каждый изъ насъ считалъ себя ни чѣмъ не ниже всѣхъ прочихъ; по происхожденію мы всѣ были дворянами, а богатству мы вообще не придавали значенія.

Мы всѣ были хорошими товарищами, въ томъ смыслѣ, что никогда и ни при какихъ условіяхъ не жаловались, не выдавали и не подводили другъ друга. Постоянныя драки, переходившія иногда въ цѣлыя войны, развивали въ насъ мужество; наконецъ, гимнастика, игры, бѣготня въ однихъ мундирахъ по морозу и т. д. закаливали наше здоровье.

Съ переходомъ въ каждый слѣдующій классъ, жизнь въ корпусѣ становилась легче. Самымъ тяжелымъ было начало.

---

13 декабря.

Живо удержался въ моей памяти день поступленія въ корпусъ.

Отвозилъ меня отчимъ, всю дорогу читавшій мнѣ наставленія, въ которыхъ упоминалось о долгѣ, о родинѣ и о благодарности, не помню къ кому именно. Я его не слушалъ, взволнованный разставаніемъ съ нянюшкой, которая провожала меня какъ рекрута и, глядя меня по волосамъ, жалобно повторяла:

— Оболваняютъ мою кудрявую головушку, оболваняютъ тебя, Сереженька!

Я не понималъ значенія этого слова, но не рѣшался ее спрашивать, изъ боязни потерять самообладаніе и тѣмъ уронить себя въ глазахъ моего друга повара.

Выйдя изъ кареты подъ сводами большого подъѣзда съ колоннами и съ двумя рослыми швейцарами въ медаляхъ и въ красныхъ ливреяхъ, мы поднялись по устланной ковромъ лѣстницѣ и, пройдя по длинному корридору, вступили въ огромный двусвѣтный залъ съ портретами царей и царицъ, изображенныхъ во весь ростъ, въ порфирахъ и со скипетрами въ рукахъ.

Въ залѣ мы присоединились къ группѣ родителей, обнимавшихъ, крестившихъ и напутствовавшихъ своихъ сыновей, которыхъ по одному вызывало начальство, сидѣвшее за длиннымъ столомъ у входа. Среди родителей преобладали дамы.

Баронъ встрѣтилъ знакомыхъ и вступилъ съ ними въ разговоръ. Я стоялъ около, прислушиваясь къ странному гулу, доносившемуся изъ сосѣдней залы, переходившему въ ревъ и визгъ, когда пріотворялась ведущая въ нее дверь, и съ тревогой смотрѣлъ

на одного изъ моихъ будущихъ товарищей, котораго только что вызвали и котораго воспитатель мягко, но настойчиво освобождалъ изъ объятій рыдавшей вдовы-матери.

Вдругъ кто-то громко прокричалъ мою фамилію и имя. Я вздрогнулъ и испуганно уставился на барона, который, быстро подойдя ко мнѣ, взялъ меня за руку и подвелъ къ столу. Потомъ онъ положилъ мнѣ руку на плечо и, произнеся какую-то французскую фразу, вернулся на свое мѣсто. Ко мнѣ подошелъ коренастый и кривоногій кадетъ въ кушакѣ съ бляхой и въ заломленной на ухо фуражкѣ и прохрипѣвъ: «— За мной, шагомъ маршъ!» — сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ. Я повиновался, но когда передо мной пріоткрылась та дверь, изъ за которой доносился интриговавшій меня шумъ, то въ нерѣшительности остановился на порогѣ, какъ Данте, потрясенный открывшейся передъ нимъ картиной ада. Болѣе сотни существъ, похожихъ на гномовъ, съ дикими криками и свистомъ носились по залѣ, катаясь по паркету какъ на конькахъ, падая, громясь другъ на друга и прыгая черезъ столы и стулья; около самой двери нѣсколько крѣпышей свирѣпаго вида, одѣтые въ форму, били по головамъ какого-то новичка въ синей курточкѣ, который вырывался и плакалъ; два другихъ, имъ подобныхъ, видимо поджидали меня.

Я растерянно оглянулся въ ту сторону, гдѣ стоялъ баронъ, но его уже не было; кто-то далъ мнѣ пинка, дверь захлопнулась передъ моимъ носомъ, меня схватили за руки и поволокли по залѣ. Черезъ минуту я валялся на полу въ кучѣ тѣлъ, яростно отбиваясь кулаками, подъ градомъ сыпавшихся на меня ударовъ. Я былъ увѣренъ, что конецъ мой близокъ и, стиснувъ зубы, рѣшилъ продать свою жизнь возможно дороже.

Въ это время раздался чей-то гнѣвный окрикъ и все стихло. Растерзанный, съ оборваннымъ воротникомъ и разбитой губой, я вскочилъ на ноги и увидѣлъ вокругъ себя пустое пространство, словно бы я одинъ кувыркался по полу и самъ себя тузилъ кулаками. Въ дверяхъ залы, противуположныхъ тѣмъ, черезъ которыя я вошелъ, стоялъ дежурный воспитатель въ шарфѣ, въ шашкѣ и съ подвязанной чернымъ платкомъ щекой; выкативъ глаза, онъ нѣкоторое время молча смотрѣлъ на меня, сердито шевеля большими усами, и вдругъ разразился иступленнымъ крикомъ. Накричавшись и натопавшись ногами, онъ сразу успокоился и, поставивъ стулъ въ дверяхъ залы, усѣлся и принялся за чтеніе газеты.

Только тутъ я опомнился и, отойдя къ окну, принялся приводить въ порядокъ свой костюмъ и прическу и зализывать рану на губѣ. Мои враги, держась отъ меня на почтительномъ разстояніи, показывали мнѣ кулаки и бросали на меня выразительные взгляды. Единственнымъ моимъ желаніемъ было удрать куда угодно, хотя бы черезъ окно на улицу, и не столько отъ страха, сколько отъ отвращенія къ окружавшимъ меня злымъ физіономіямъ и ко всей этой чуждой мнѣ, отталкивающей обстановкѣ.

Постепенно я успокоился и, оглядѣвъ залу, убѣдился, что и всѣ мои товарищи-новички, жавшіеся по стѣнамъ, находились не въ лучшемъ положеніи.

Вскорѣ изъ корридора донесся оглушительный барабанный бой, залился колокольчикъ, вошло человекъ пять воспитателей и насъ стали выстраивать по росту и соответствующимъ образомъ занумеровывать. Потомъ насъ рассчитали по десяти человекъ и строемъ повели на завтракъ.

Столовая находилась подъ большимъ «сборнымъ»